

Е. А. Цыпанов, Грамматические категории глагола в коми языке, Сыктывкар 2005. 284 с.

Рецензируемое исследование посвящено морфологии коми глагола. В нем впервые в коми языкознании подвергнуты всестороннему анализу все грамматические категории этой части речи: наклонение, модальность, персональность, число, темпоральность, залог, глагольные диатезы; степени действия глагола. Монография является обобщением результатов научных разработок автора за истекшие два десятилетия. За это время Е. А. Цыпановым выполнена и защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук при Тартуском университете на тему «Морфология причастий в коми языке», выпущены препринты в серии научных докладов Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук — «Категория способа глагольного действия в коми языке» (Сыктывкар 1998), «Грамматическая категория залога в коми языке» (Сыктывкар 2002), «Категория наклонения глагола в коми языке» (Сыктывкар 2004) и другие.

Монография Е. А. Цыпанова сводит воедино результаты сплошного синхронно-диахронного описания грамматических категорий коми глагола в рамках коми диалектов и литературных (коми-зырянского и коми-пермяцкого) языков, с одной стороны, и сопоставления с удмуртским, марийским, эстонским, финским, венгерским и другими финно-угорскими языками, а также с генетически неродственными русским, английским, немецким, японским, с другой.

Первая глава монографии посвящена системе глагола коми языка и его грамматическим категориям. В ней автор делает экскурс в трактовку грамматической категории в научной литературе как в широком, так и в более узком значениях, в своей работе под грамматической категорией он имеет в виду лишь конкретные морфологические категории знаменательных частей речи, имеющие формально выраженные

ряды противопоставленных форм, не включая в это число разнообразные инфинитные формы.

Грамматическая категория у него включает 1) наличие парадигмы грамматических форм; 2) наличие грамматической семантики форм, образующих между собой оппозиционные связи; 3) наличие общего инвариантного категориального значения; 4) общность функционального уровня, которая позволяет категории выполнять ее назначение в речепорождающей деятельности.

Работа начинается с раздела об изучении грамматических категорий глагола в уралистике и пермистике, который плавно переходит в раздел о структуре коми глагола и его грамматических категорий. В нем постулируется мысль о том, что глагол финно-угорских языков имеет многосторонние отношения с существительными и в истории языка, и в современном функционировании. Автор считает уместным обзор глагольных форм начать с характеристики инфинитных форм коми глагола: инфинитива, причастия, деепричастия.

Рассмотрение финитных глаголов начинается с выявления особенностей отрицательной парадигмы, что проявляется в том, что знаменательный глагол несет не только лексическое значение, но и грамматическое, выражая с помощью особых суффиксов граммату множественности субъектов. Автор приходит к выводу, что в коми языке, как и в финском, с помощью отрицательных глаголов передается не только общее приглагольное, но и частное отрицание в составе квазиотрицательных глагольных выражений.

Раздел содержит исторический обзор диахронных изменений глагола. Как большой недостаток в развитии коми глагола отмечается тот факт, что диахронные и типологические изменения в оформлении и употреблении

коми глаголов вызваны массивным и сильным влиянием русского языка. В коми-пермяцких диалектах русские глаголы могут даже употребляться в исконных формах, в то время как остальные члены предложения оформлены по законам коми языка, например, *Отыр уна понаехали* 'народу много понаехало'.

Во второй главе рассматриваются категория наклонения, глагольная модальность. Автор традиционно выделяет в коми языке повелительное и изъявительное наклонения. Значение сослагательного наклонения выражается аналитически, при помощи сочетаний личных глаголов с частицей *эськӧ* 'бы', поэтому в научной литературе это наклонение, как правило, не отмечается. Вычленение Р. Баталовой в оньковском и нижеиньвенском диалектах коми-пермяцкого языка кондиционаля, образующегося с помощью заимствованной из русского языка частицы *бы* в сочетании с формами настоящего, будущего времени и имперфекта, автор справедливо связывает с влиянием русской грамматической традиции на методологию описания коми-пермяцких диалектов, не вполне адекватного и противоречащего общепринятым дескрипциям.

Третья глава посвящена категории лица-числа, глагольной персональности. Большое внимание уделено конгруэнции и инконгруэнции числа у глаголов 3-го лица. Проанализировав большой фактический материал, автор приходит к выводу о том, что вопросы координации главных членов предложения как в коми, так и в пермских языках изучены явно недостаточно, о чем говорит чрезвычайно скудная информация в учебниках по синтаксису и морфологии или же отсутствие таковой. Разработки по этой теме не проводились даже в учебных целях, что является важной задачей пермских языковедов на ближайшую перспективу.

В четвертой главе описывается категория времени. Автор анализирует изучение категории времени коми глагола в 18 научных трудах, созданных на протяжении двух веков, среди авто-

ров фигурируют М. Кастрен, А. Шёгрэн, Х. Габеленц, П. Савваитов, И. Куратов, Ф. Вийдеман, Т. Уотила, Д. Бубрих, В. Лыткин и другие. В современном коми языке он выделяет 11 временных форм: 1) настоящее время; 2) будущее время, образующееся синтетически с помощью суффиксов *-а* и *-ас*; 3) II будущее время, образующееся аналитически сочетанием инфинитива и спрягаемых глаголов *кутны*, *мӧдны*, *пондыны* 'начинать'; 4) I прошедшее время, претерит, образующийся синтетически с помощью суффикса *-i* (*и*); 5) II прошедшее время, модальный перфект, образующийся синтетически при помощи суффикса *-ӧм*; 6) III прошедшее время, имперфект, образующийся аналитически сочетанием неспрягаемого глагола *вӧлі* 'было' и спрягаемых глаголов в формах настоящего времени; 7) IV прошедшее время, плюсквамперфект, образующийся аналитически сочетанием неспрягаемого глагола *вӧлі* и спрягаемых глаголов в формах II прошедшего времени; 8) V прошедшее время, эвиденциальное, незавершенное прошедшее, образующееся аналитически сочетанием неспрягаемого глагола *вӧлӧм* 'оказывается, было' и спрягаемых глаголов в настоящем времени; 9) прошедшее время, эвиденциальный плюсквамперфект, образующийся аналитически сочетанием неспрягаемого глагола *вӧлӧм* и спрягаемых глаголов в форме II прошедшего времени; 10) VII прошедшее время, незавершенное многократное, образующееся аналитически сочетанием неспрягаемого глагола *вӧлі* и спрягаемых глаголов в формах I будущего времени; 11) VIII прошедшее время, эвиденциальное, многократное, незавершенное, образующееся аналитически сочетанием неспрягаемого глагола *вӧлӧм* и спрягаемого глагола в форме I будущего времени.

В рецензируемой монографии впервые в логически стройную систему приведены все разнообразие формы времени глагола современного коми языка. В подразделе «Системообразующие связи категории времени» дается подробное сравнение временных форм коми глагола с соответствующими фор-

мами в финно-угорских и тюркских языках, автор показывает самобытный характер форм прошедшего времени в пермских языках. С точки зрения грамматической семантики, аналитические формы прошедшего времени в коми языке показывают план прошлого более дискретным по отношению к говорящему. Они обозначают такие действия в прошлом, которые происходили относительно некоего определенного ориентира.

Пятая глава — это описание залога. Большое внимание автор уделяет исследованию проблемы залога в пермских и финно-угорских языках, в определении данного грамматического термина он опирается на положение, предложенное В. И. Лыткиным в нормативных грамматиках пермских языков, в которых под залогом понимается грамматическая категория, «которая в специфической форме выражает особого рода отношение действия, выраженного соответствующим глаголом, к объекту его, выраженному прямым дополнением, и к производителю действия».

Вслед за Уллой-Майей Кулонен, выделяющей в грамматике обско-угорских языков, помимо динамичного пассива на *-w*, статичный пассив на *-т*, выраженный причастием прошедшего времени, Е. А. Цыпанов отмечает, что в коми языке также имеется стативный пассив — это употребление базовых причастий в пассивном значении в функции сказуемого, например, *Керкаыс дзик кыр йылас пуктӧма* 'Дом на самом обрыве построен (досл. поставлен)'.

В монографии убедительно доказывается, что в коми языке имеются активный, каузативный и возвратный залого. В финской грамматической традиции отглагольные суффиксы с залоговыми значениями каузативности и рефлексивности сведены в раздел словообразования, но выделяются два залога: актив и пассив, выражающий имперсонал, неопределенное множество производителей действия, в отличие от выражаемого активом определенного объекта. Такое восприятие залога представляется достаточно узким, не отражающим всего многообразия вы-

ражения залоговых значений как в коми, так и в других финно-угорских языках.

Е. А. Цыпанов подробно рассматривает категорию глагольного залога как систему. Он справедливо утверждает, что залоговые суффиксы коми языка вполне грамматикализованы, они обладают универсальной и абстрактной семантикой.

В работе выявляется характерная черта залогов коми языка — двузалоговость или изредка трехзалоговость, когда в глагольной словоформе встречаются цепочки залоговых формантов — два или изредка три: *мысьбӧдны* 'заставить помыться', *сёрнитчӧдны* 'заставить договориться между собой'.

На основе анализа многочисленных примеров из устной речи и письменных источников автор приходит к выводу о том, что явление двузалоговости еще требует специальных исследований.

Предельно подробно рассматривается в работе функционирование рефлексивного залога, дается четкая картина образования рефлексивов, истории рефлексивных суффиксов. У возвратных глаголов выявляется медиальное, рефлексивное, реципрокное, имперсональное и пассивное значения. В отношении последнего справедливо отмечено, что в языке научно-методических работ, в литературоведческих и лингвистических изданиях ощущается привнесенность, искусственность пассивных оборотов, многие из них калькированы из русского языка.

Шестая глава посвящена категории степеней действия глагола. Просоединение к глагольным формам суффиксов сравнительной степени *-джык*, *-кодъ*, *-моз* практически не фиксируется в обобщающих работах по коми языку. Е. А. Цыпанов в своей монографии углубляется в историю развития категории степеней действия глагола, приводит примеры из родственных удмуртского и марийского языков, анализирует дистрибуцию формантов сравнительной степени глагола. На большом фактическом материале дается система оппозиций категории сте-

пней действия: нейтральной степени противопоставляются уменьшительная и усилительная. Автор убеждает читателя в том, что употребление суффиксов *-кодъ* и *-джык* со спрягаемыми глаголами в литературном языке довольно широко распространено и заметно оживляет повествование, привнося модальные оттенки допущения, предположения.

Заключение содержит подробные выводы по теме исследования: грамматические категории коми глагола постоянно находятся в состоянии динамической статики, вызванной факторами развития внутрисистемного характера и интенсивным иноязычным влиянием. В области грамматической семантики функционального применения грамматических категорий в ходе истории языка четко проявляется тенденция к расширению грамматической семантики лично-числовых, временных и залоговых форм под иноязычным влиянием, например, расширение пассивного значения рефлексива у глаголов в презенсе. Влияние русского языка привело и к изменениям обратного порядка — сокращению функционирова-

ния иных форм: каузатива и глаголов во II прошедшем времени, а также аналитических прошедших времен в коми-пермяцком языке.

Монография Е. А. Цыпанова «Грамматические категории глагола в коми языке» сообщает читателю всесторонние сведения об истории и современном состоянии морфологических категорий коми глагола. Особо следует отметить достоверность иллюстративного материала, подобранного автором не только в фольклорных источниках, но и в произведениях классиков коми литературы, в детских и молодежных изданиях, в периодической печати, радио- и телепередачах. Исследование может быть использовано при написании академической сравнительной грамматики пермских языков, сравнительной грамматики финно-угорских языков. Оно имеет и практическое применение как учебное пособие для студентов университетов, в которых преподаются пермские и финно-угорские языки. Монография Е. А. Цыпанова, несомненно, станет настольной книгой для пермистов, финно-угроведов.

ЕВГЕНИЙ ИГУШЕВ (Ханты-Мансийск)